

Дихотомия «глобализация – глокализация»: эрозия или фронтир?*

Globalization–Glocalization Dichotomy: Erosion or Frontier?

А. ДЕГТЯРЕВ

Дегтярев Александр Николаевич, д-р экон. наук, профессор, вице-президент Академии наук Республики Башкортостан. E-mail: aleks-degt@yandex.ru

Аннотация. Данная статья относится к экономической теории и посвящена исследованию феномена глокализации, ставшей в XXI в. реальным «противовесом» глобализации по модели Запада. Актуальность исследования обусловлена планетарным масштабом данного явления и геополитическими последствиями формирования нового, многополярного миропорядка. В работе отмечается вклад мировой экономической мысли в исследование процессов глобализации в контексте эволюции человечества.

Ключевые слова: глобализация, глокализация, пространственное развитие, регионалистика.

Abstract. This article relates to economic theory and is devoted to the study of the phenomenon of glocalization, which in the 21st century has become a real "counterweight" to globalization according to the model of the West. The relevance of the research is due to the planetary scale of this phenomenon and the geopolitical consequences of the formation of a new, multipolar world order. The paper highlights the contribution of world economic thought to the study of globalization processes in the context of human evolution.

Keywords: globalization, glocalization, spatial development, regionalism.

Введение

Потребность в научном анализе феномена «глокализации», ставшей глобальным проявлением геозтнокультурного тренда, новой парадигмой формирования многополярного мира, назрела давно. Об этом свидетельствует не только нарастающий объем научных публикаций на указанную тему [1; 24; 34], но и динамичное развитие данного процесса, достигшего планетарного масштаба. В этой связи, многие ученые, подчеркивая актуальность этой исследовательской повестки, считают, что «изучение глокализации мирового экономического пространства, как результата синтеза процессов глобализации и регионализации, имеет практическое значение, поскольку последствия его воздействия на национально-государственные системы будут определять ближайшие перспективы трансформации международных экономических отношений» [16, 10].

Однако для углубленного анализа этой «новой реальности» необходимо отчетливо понимать суть современного процесса глобализации, целью которой является, как известно, формирование мегасистемы всемирного масштаба, имеющей не только экономическое и технико-технологическое измерение, но и охватывающей также социальные, политические и культурные параметры социума. О глобализации написано, как известно, бесчисленное количество работ, а ряд исследований этого феномена были отмечены даже Нобелевскими премиями (Дж. Стиглиц, П. Кругман). Приведем одно из актуальных определений: «Глобализация в самом общем виде может пониматься как распространение по планете потоков, процессов, явлений и характеристик, обретающих значимость для всего мира человека, общества и биосферы» [33, 27]. Неслучайно, что в контексте той или иной научной парадигмы мы находим множество интерпретаций этого глобального всемирно-исторического процесса с акцентом на региональную специфику: в марксизме и цивилизационной теории А. Тойнби; геополитической

* Ссылка на статью: Дегтярев А.Н. Дихотомия «глобализация – глокализация»: эрозия или фронтир? // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2026. № 1. С. 4–8. DOI: 10.34773/EU.2026.1.1.

экономике Р. Десаи и С. Корбриджа; геофилософии Ж. Делеза; геополитике К. Хаусхофера и геоэкономике Ф. Рерига и Э. Люттвака; теории пространственного развития Ф. Листа, В. Лаунхардта и А. Вебера. Эта же идея лежала в основе концепции российской интеллигенции XIX – начала XX вв., в частности, в трудах известного русского философа Ивана Ильина, который писал: «Государственный строй не есть пустая и мертвая “форма”: он связан с жизнью народа, с его природою, климатом, размерами страны, с ее историческими судьбами... Государственный строй есть живой порядок, вырастающий из всех этих данных, по-своему выражающий их, приспособленный к ним и неотрывный от них» [8, 64]. Современный облик мировой экономики за два с лишним столетия, прошедшие со времени промышленной революции, ставшей триггером современной глобализации, сильно изменился, как претерпели серьезные изменения и научные взгляды на геоэкономике и геополитике. При этом ученые единодушны в том, что современный этап «глобализации новой волны обладает рядом специфических характеристик и трендов: расширение границ ареала многополярного мира... рост количества и разнообразия глобальных игроков... усиление взаимосвязи и взаимозависимости локальных (региональных) и глобальной систем...» [15, 20]. Исследование этих процессов с позиции современной науки, основанной на синтезе институциональной экономической теории, историзма и компаративного анализа – вот задача автора данного исследования.

Часть 1. Теория и практика глобализации

В целях объективности исследования необходимо определить исторические рамки проявления дихотомии «глокализация/глобализация». Автор солидарен с точкой зрения, определяющей следующую периодизацию глобализации: *архаичная, протоглобализация, и глобализация Нового и Новейшего времени*. Архаичная, берущая начало в древности и до периода Великих географических открытий XV в., представляла собой, главным образом, эпоху познания и осмысления человечеством окружающего мира, а купцы и путешественники были его первооткрывателями. Период протоглобализации, охватывающий следующий исторический отрезок вплоть до промышленной революции XVIII–XIX вв. тоже не может быть отнесен к «полноценной» и целенаправленной глобализации по той причине, что это было время исследования, поглощения и безнаказанного грабежа новых территорий и их народонаселения с целью обогащения собственной нации и ее правителей. Это был период, которому больше всего подходит термин «трофейная экономика». Однако с триумфом промышленной революции меркантилизм как господствующая государственная доктрина уступил место духу предпринимательства и наживы за счет мультипликации эффекта машинного производства в сочетании с заморской дешевой рабочей силой. Необходимость расширения рынков труда и сбыта сформировали экспансионистскую стратегию и политику капитализма/империализма путем колонизации огромных территорий по всему земному шару, в контуре которых сформировались со временем институциональные основы капиталистической экономики. Однако в XVIII в. еще не «родился» даже сам термин «глобализация», о чем свидетельствует факт его отсутствия в первой европейской энциклопедии – «Толковом словаре наук, искусств и ремесел» Д. Дидро и Ж.Л. д’Аламбера, изданном в 1751–1759 гг. Нет его и в российском «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона», издававшемся уже в конце XIX в., однако из архивных писем К. Маркса и Ф. Энгельса за 1850-е годы историкам стало известно, что Маркс употребил этот термин по смыслу его значения, когда отмечал включение экономики Японии в процесс мировой торговли: «глобализация свершилась», а в «Манифесте Коммунистической партии» теоретики марксизма констатировали: «Буржуазия путем эксплуатации всемирного рынка сделала производство и потребление всех стран космополитическим...» [17]. Таким образом, начиная с XIX в., а затем на протяжении всего XX в. имел место масштабный процесс поступательной и системной глобализации экономической деятельности по всему миру, формат и масштаб которой в течение этих двух столетий трансформировался по ходу эволюции мировых экономик и геополитических процессов, вызванных двумя мировыми войнами, послевоенным народно-освободительным движением народов Азии и Африки и разделением мира на две противоборствующие системы.

В научной среде термин «глобализация» стал частью научной терминологии благодаря Теодору Левитту, опубликовавшему в 1983 г. работу «Глобализация рынков», посвященную ТНК – транснациональным корпорациям. На конец XX века приходится апогей глобализации, которая охватила большую часть мирового пространства. В то же время человечество неумолимо приближалось к новому рубежу эволюции – XXI в. открыл новую страницу этого глобального процесса, поскольку наступила эпоха формирования *многополярного мира 2.0*, институционализирувавшая в том числе гибридный формат глобализации – *глокализацию*, масштаб которой сегодня охватывает добрую половину человечества. Учитывая исключительную важность понимания глубинных процессов этого явления, задачей настоящего исследования является выяснение: *глокализация – это эрозия глобализации или, напротив, ее новый фронт?*

Итак, глобализация – это явление, отражающее согласно определению «Новой экономической энциклопедии» Е. Румянцевой, «*процесс взаимодействия между странами мира, ставший в настоящее время существенным внешним фактором национальных экономик*» [25, 140–141]. Следует заметить, что определяющим здесь является термин «*внешний фактор*», отражающий суть явления – экзогенное воздействие на институциональную матрицу той или иной социально-экономической системы (страны). Векторы этого воздействия тоже хорошо известны – это интеграция в области международной торговли, в том числе задающая тренд в мировой системе ценообразования, международное разделение труда по модели «центр – периферия», а также иерархичная валютная система, привязанная к ведущей мировой валюте – доллару США. В качестве инструментов этого воздействия используются специально созданные для этих целей «правила игры» в рамках многочисленных международных организаций-проводников глобальной политики ведущих стран мира, к которым относятся Международный валютный фонд (МВФ), Всемирный банк, Всемирная торговая организация (ВТО), а также общественные форумы, вроде Римского клуба, Давосского экономического форума и др., единственной целью которых является «*промывание мозгов*» и формирование «*мягкой силы*» глобалистской стратегии из числа влиятельных бизнесменов, политиков и ученых. При этом, дабы избавить участников этого процесса от излишних иллюзий, на Давосском форуме 2015 г. было прямо заявлено: «*...grammar of commerce but the logic of war... – правила торговли, но логика войны*» [35, 23].

Формирование стратегии современной глобализации как планетарного тренда экономической эволюции человечества, очевидно, берет начало в период империалистической экспансии стран – мировых лидеров, подкреплявшейся формированием политической мысли о сферах влияния государства, нашедшей отражение в т.н. *географической политике – геополитике*. Эта терминология вошла в научный оборот в конце XIX – начале XX века благодаря исследовательским работам немецкого ученого-географа Ф. Ратцеля, опубликовавшего в 1899 г. книгу «*Политическая география*», и получила развитие в трудах его последователей, ученых Европы и Америки – Р. Челлена, Х. Маккиндера, А. Махена, К. Хаусхофера, Дж. Спикмэна и др. [12]. Построенная на этой идеологии модель экстенсивного развития, основанная на грабеже колоний и дешевой рабочей силе, довольно долго обеспечивала метрополиям экономический рост, однако со временем для всех стало очевидным, что военно-политическая экспансия начала XX в., не подкрепленная в последующем институциональными мерами по формированию полноценной экономической инфраструктуры в колониях, мало чем отличалась от захватнических войн Средневековья, а потому была со временем признана неэффективной и экономически нецелесообразной.

Коренным образом изменила экономическую ситуацию в мире деятельность международных картелей, вроде Ост-Индской компании, которая еще задолго до этого открыла путь для формирования мировых рынков труда и капитала, а географическое положение стран-сателлитов и колоний предопределило логистику перемещения сырья и готовой продукции по всему миру, благо к тому времени научно-технический прогресс обеспечил бизнес современными средствами коммуникаций – на воде, на земле и в воздухе, а телефония осуществила информационный прорыв в решении проблемы связанности территорий. Академик С. Глазьев в этой связи констатирует: «*Созданные в ходе предыдущего мирохозяйственного уклада*

институты были умножены на мощь государственного протекционизма глобальных колониальных империй». [4, 8]. Этот экономический эффект от масштаба стал фундаментом стратегии глобалистов и получил в последующем, благодаря достижениям НТР и совершенствованию организационно-экономических моделей управления, колоссальное развитие. Множество развивающихся стран мира в стремлении удовлетворить потребности населения в современных товарах и услугах становились экономически зависимыми акторами процесса глобализации, экономической «платформой» которого стала унификация хозяйственных практик и финансово-экономических механизмов. Учитывая фактические источники мировой экономической экспансии, в основе глобальной модели «интернационального» развития мира оказалась англосаксонская модель некой *синтетической цивилизации* с приматом экономики потребления, «имплантированная» ее идеологами в различных регионах земного шара. При этом, как образно пишет известный российский ученый А. Неклесса, посвятивший большое количество работ всестороннему исследованию глобализации и ее последствий, «*туземному обществу, пережившему в момент столкновения культур кризис идентичности и девальвацию традиционных систем воззрений, в качестве альтернативы – наряду с формальным приобщением к культуре Модерна [Запада, прим. автора] – были фактически предложены ценности уровня “чечевичной похлебки”*» [21, 172]. Сильно сказано, тем более, что эта обличающая характеристика глобальной экспансии Запада совпадает со строками Евангелия от Матвея: «*кто имеет, тому дано будет и приумножится, а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет*».

Учитывая эти обстоятельства, становится очевидным, что именно *вестернизация* общественно-экономических отношений, насаждавшаяся глобалистами по всем континентам, стала *триггером* процесса глокализации – глобализации с «национальным лицом». Начался период культурно-исторической инверсии, отражающей, в противовес глобализации, концепцию множественности «миров», методологически восходящую к принципам *геофилософии* Ж. Делеза, акцентировавшего логику развития событий на множественности *сингулярностей* [7]. Закономерно, что в этом же ряду научных теорий, объясняющих генезис глокализации, находится и цивилизационная теория, широко известная благодаря ее выдающимся представителям – А. Тойнби, О. Шпенглеру, Н. Данилевскому и др. [30]. В отличие от марксизма, который исповедовал концепцию линейного развития мирового сообщества и вполне мог бы быть «путеводной звездой» для глобалистов (если бы не второй его разрушительный концепт о классовой борьбе), цивилизационная теория базируется на научной платформе индивидуальности исторического развития наций и народов. Отвечая на внешние вызовы, отмечал А. Тойнби, цивилизации, опираясь на свои культурно-исторические традиции, аккумулируют усилия нации на сохранении ее институциональных основ в новых координатах эволюционной динамики. Глубинную мотивацию организации этнических общностей в национальном масштабе, как конфронтацию глобальным процессам, исследовали многие представители социально-гуманитарных наук, в том числе российский философ Л. Гумилев, в центре концепции которого находятся государство и этническое ядро, способное в силу *пассионарности* своих лидеров, формировать *асабии* (по Ибн Халдуну и Дюркгейму – способность групп к коллективной солидарности и действию) [31]. Это означает, что даже в условиях глобализации «*...культурный и цивилизационный иммунитет сохраняет целостность и самоидентичность больших социальных систем, таких, например, как государство, не делая их абсолютно гомогенными*». [15, 22]. Этот тезис подтверждает авторитетное мнение всемирно известного историка Ф. Броделя: «*было бы “по-детски наивно” думать, что модернизация, как “триумф цивилизации в единственном числе” приведет к устранению плюрализма исторических культур, веками существовавших в лоне великих цивилизаций*» [32, 481]. Этим объясняются исторические предпосылки проявления национальных особенностей глобализации, ибо в противном случае, как утверждал Гегель, *историю «вообще» можно считать бессодержательной абстракцией*. При этом степень ассимиляции/трансформации экономических, социальных и политических институтов той или иной общественно-экономической системы (страны) зависит от очень многих факторов, что в конечном итоге и предопределяет формат, масштаб и последствия локализации глобальных процессов

развития. Таких треков как минимум два: во-первых, *симбиоз*, предполагающий соединение преимущественно западного научно-технического прогресса с *аскриптивными* (традиционными) нормами социальной организации и морально-гуманистических особенностей нации; и во-вторых, *конфликт традиционализма и модернизации*, проявляющийся в разнообразных формах – от своеобразной индийской демократии до иранской революции исламского радикализма. При этом процесс трансформации общественно-экономической системы происходит не сам по себе – в основе этого, по мнению Д. Норта, лежит *интенциональность* агентов, стремящихся видоизменить ландшафт окружающего их институционального поля и создать новые «*ниши*», отвечающие их *геоэтногенезу*, отражающему концепцию *path dependence* («*память прошлого*»). Образующийся в этой связи в динамике трансформационных процессов глобализации т.н. «*эффект колеи*», имеет определяющее значение при формировании новых гетерогенных социально-экономических систем, стремящихся к адаптивной эффективности в новых координатах глобализации [23]. На этой идее, дополненной новеллами об «*инклюзивных*» и «*экстрактивных*» институтах, построена также концепция мироустройства от Нобелевского лауреата 2024 г. Д. Аджемоглу, получившего широкую известность после выхода его бестселлера «Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты», отличающегося непримиримой апологетикой рыночного фундаментализма и англосаксонской модели политической системы и экономики. Эволюционным процессам в контуре биполярной модели «западных» и «не-западных» институтов, отличающимся, главным образом, отношением к собственности и общественно-политическим свободам, посвящены также известные исследования С. Кирдиной [10] и других ученых по обе стороны океана. При этом практически все исследователи подтверждают, что в условиях экзогенного воздействия глобального характера базовые институты системы в большей или меньшей степени трансформируются. В этом случае процесс институциональных реформ в контуре новой модели социально-экономического развития демонстрирует сложную динамику эволюции, предполагающую вначале генерацию новых институтов в контуре супеаттракторов-инкубаторов, а затем – диффузию новых институтов в институциональном поле системы, завершающуюся, в итоге, переходом к новой институциональной матрице социальных, экономических и политических институтов [6]. Теоретически возможен и перенос институтов из одной системы в другую, но, как показывает практика, подобная «*имплантация*» приводит, как правило, к их отторжению и *дисфункциональности*, исключение составляют лишь некоторые адаптивные институты, мутирующие на фоне инверсии системы [11].

Окончание статьи и список литературы – в следующем номере.